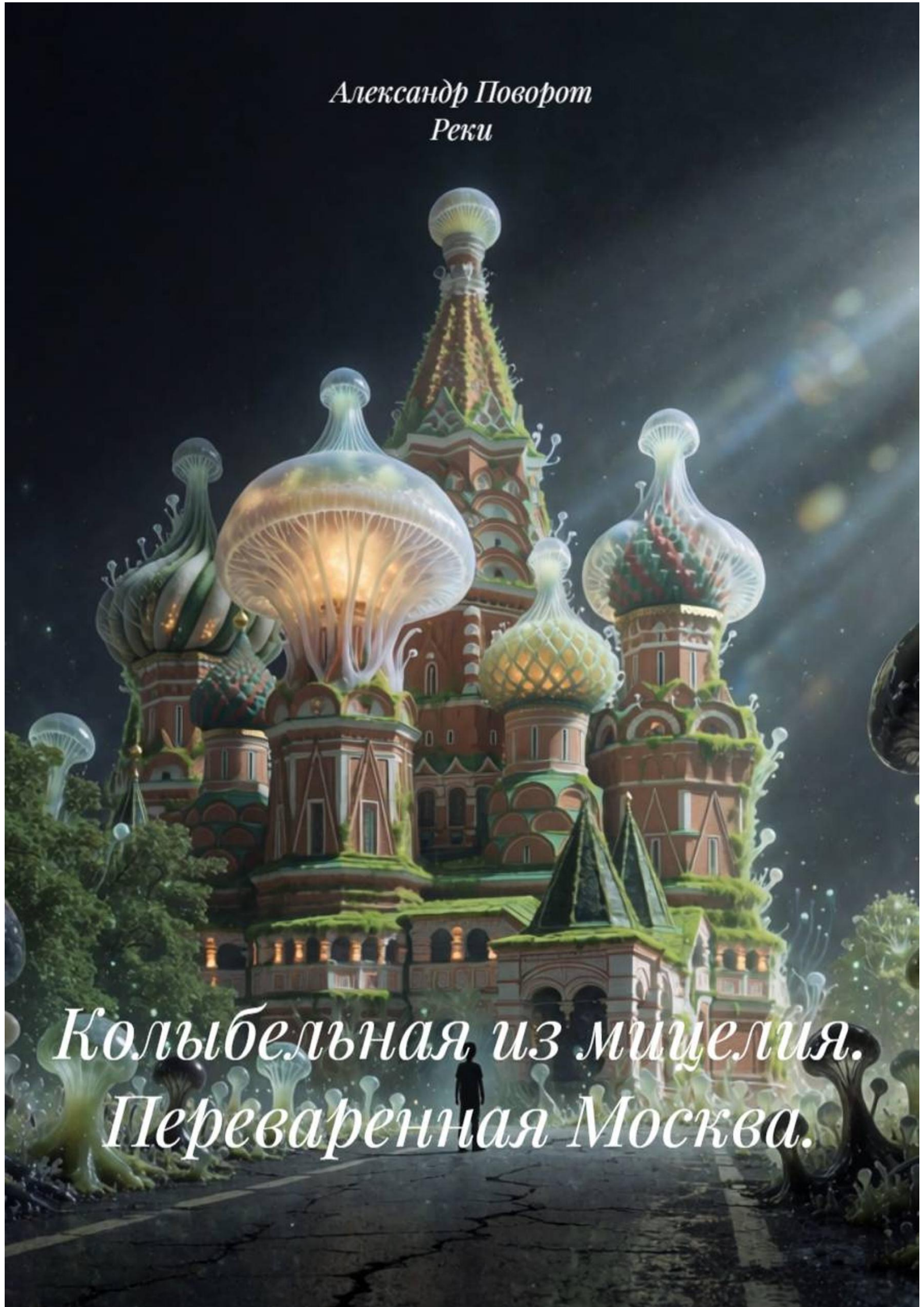

*Александр Поворот
Реки*

*Колыбельная из мицелия.
Переваренная Москва.*

Фэнтези и фантастика

Александр Поворот Реки
**Колыбельная из мицелия.
Переваренная Москва.**

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Колыбельная из мицелия. Переваренная Москва. / А. Поворот Реки — «Автор», 2026 — (Фэнтези и фантастика)

Москва шесть лет после Спорового Перелома не разрушена — её переварила разумная грибница, превратившая метро в пульсирующий ущелье из мицелия, а улицы — в лес стеклянных деревьев и светящегося мха. Здесь некому классифицировать новую жизнь, но она безумно прекрасна и смертельно опасна. Тринадцатилетний Костик — единственный, кто умеет слушать голос погибшей матери в ритме грибницы. Он живёт с группой выживших в бывшем дворе-колодце. Выбор ставит Костика перед дилеммой, от которой зависят судьбы всех, кого он считает семьёй. Согласиться — значит получить вечный покой и вернуть любимых, отказаться — значит идти на встречу холоду, голоду и почти неминуемой гибели, но сохранить право быть человеком. Это история не про выживание. Это про то, что значит быть живым: пахнуть прелой листвой и горячим супом, ругаться из-за грязной ложки, помнить, даже если весь мир забывает.

© Поворот Реки А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Поворот Реки Колыбельная из мицелия. Переваренная Москва.

Глава 1

Мёртвая мать Костика пела ему из-под земли.

Он стоял на коленях посреди того, что шесть лет назад было Кольцевой линией, а теперь пульсировало, как залитая молочным светом утроба. Стены тоннеля дышали. Покрытые слизистой плёнкой мицелия, они вздымались и опадали в ритме, который Костик считывал спинным мозгом. Вдох — четыре секунды. Выдох — семь. Пауза — две. Грибница дышала медленнее человека. И надёжнее.

Пахло сладковатой прелью и чем-то до одури домашним — перегоревшим на плите молоком.

Мать не использовала слова. Слова — слишком примитивный конструкт для того, чем стал этот мир. Грибница транслировала напрямую в нервные окончания. Через босые ступни, через влажный воздух, оседающий на роговице. Мелодия зарождалась где-то между внутренним ухом и затылком. Лингвисты, как и все остальные, давно лежали в почве, и их последние мысли проросли бледными гифами в общем хоре.

Колыбельная была про зайчика. Про глупого зайчика, который ушёл в лес.

В последний раз она пела её в первую зиму Спорового Перелома. Ковид тогда перестал быть вирусом и стал чем-то иным. Мать кашляла кровью в наволочку, а к утру из красных пятен проклёвывались крошечные белые тела. Они пахли ландышами. Нежно, невыносимо, обещающе. На третий день грибы прошили её насквозь. Утром на кровати лежала не женщина, а хрупкий флуоресцирующий сад. Костику было семь. Он сидел рядом, пока дядя Серёжа не оторвал его от кровати с хрустом ткани.

Не трогай, Костя. Не дыши. Не смотри.

Он не трогал. Он дышал. И смотрел.

Сейчас ему было тринадцать, и он знал о Сети больше, чем кто-либо из живых. Потому что делал то, от чего остальные сходили с ума. Он слушал.

— Кость. Эй.

Голос сверху. Надтреснутый, настоящий. Костик дёрнулся. В проломе потолка — бывшей «Менделеевской» — торчала голова Фары. Выбритые виски, чёрные кудри. На левом глазу повязка. Лицо стянуто привычной гримасой, в которой злость всегда мешалась с тревогой.

— Зрачки во весь глаз, — констатировала Фара. — Опять.

— Я почти закончил.

— Ты сидишь босым на мицелии в активной зоне. Уже сорок минут.

— Это нормально.

— Это ни хрена не нормально, Костик.

Она, конечно, была права. Активная зона не просто росла. Она вспоминала. Мицелий ушёл на семнадцать уровней вниз, переварив Москву в нейросеть. Умершие от Перелома стали её узлами. Их синапсы, их электрические импульсы никуда не делись. Сеть сохранила их. Не как мёртвые данные, а как долгое, тягучее послевкусие людей.

И если замедлить дыхание до ритма «четыре-семь-два», Сеть делилась.

Костик разжал пальцы. Нити мицелия потянулись за ладонями тонкими детскими волосками и нехотя отлепились. На подушечках остались зудящие красные точки микоризных якорей. Грибница пыталась подключить его. С каждым разом — всё настойчивее.

— Иду, — сказал он, вытирая руки о штаны.

Фара не сводила с него единственного глаза, пока он карабкался по наростам из окаменевших плодовых тел. Природа после Перелома не была врагом. Она была жуткой ровно настолько, чтобы казаться заботливой. Мосты из корней со строгой инженерной геометрией. Лишайниковые купола, под которыми не бывает заморозков. Этот мир пускал тебя погреться, просто вся мебель в нём была не твоего размера.

Наверху, на бывшей Новослободской, его ударило светом.

Шесть лет, а он каждый раз задерживал дыхание.

Москва цвела.

Буквально. Каждый остов автобуса, каждый фонарный столб покрывал биолюминесцентный мох. На рассвете он горел янтарным, к полудню станет слепяще-белым, а ночью превратит руины в вывернутое наизнанку звёздное небо. Из вздыбленного асфальта росли деревья, похожие на стеклянные вишни. В их полупрозрачных стволах пульсировала жидкость. Четыре. Семь. Два. Их перепончатые кроны ловили не свет, а споры. Споры были новым кислородом. Новой водой.

Ненормально, сказочно красиво. И смертельно.

— Все ждут, — сказала Фара, шагая рядом. Губчатая масса, в которую переродился асфальт, мягко пружинила под ботинками. — То есть, Зинаида Павловна ждёт. Остальные жрут.

— Что сегодня?

— Рыжики.

— Опять.

— Рыжики — это хорошо, Кость. Это значит, Сеть сытая. Когда она голодная, лезут горчаки, Дэн начинает истерить, что надо валить из города.

— Дэн прав.

Фара остановилась.

— Чего?

— Сеть расширяется, — Костик обернулся. — Активная зона ползёт на юго-восток. Месяца через два она накроет лагерь.

— И что?

— А то. Она уже интегрирует животных. Видела крыс на Тверской? У них белые глаза. Они ходят строем. Это больше не крысы, Фара. Это периферия.

Фара промолчала. Повязка чуть съехала, обнажив край розового, идеально гладкого шрама. Три года назад она слишком долго смотрела на Цветение. Сеть забрала её глаз, но ювелирно зарастила рану. Щедрая и безжалостная.

— Ладно, — тихо сказала она. — Значит, скажем им сегодня.

— Скажем.

— Зинаида нас сожрёт. Она пережила развал Союза и дефолт, она считает, что конец света можно пересидеть, если вовремя варить суп.

— Придётся убедить.

Они шли мимо вросшего в биомассу дорожного знака. Город не был разрушен — он был переварен.

Вдруг Костик почувствовал прикосновение к щиколотке.

Он опустил взгляд. Тонкая белёсая нить обвилась вокруг ноги. Нежно, как слепой котёнок. Гифа. Разведчик.

— Кость... — напряглась Фара.

— Вижу.

Он медленно присел на корточки. Раскрыл ладонь. Гифа вздрогнула и потянулась к пальцам. И в момент контакта, крошечной точки соприкосновения с кожей, Костика прошило насквозь. Не звук. Не запах. Ощущение. Узнавание. Как будто кто-то в толпе окликнул тебя по забытому детскому имени.

Мама.

Он позволил себе ровно три секунды. Потом мягко убрал руку. Нить повисла в воздухе брошенной ладонью и опала.

— Идём, — сказал он. Голос не дрогнул.

До лагеря во дворе-колодце оставалось десять минут. Двор накрывало куполом из переплетённых гифов, внутри было сухо и пахло костром. Семнадцать человек. Остатки трёх общин. Не родственники, не друзья — что-то новое, спаянное травмой и страхом.

Костик слышал, как Зинаида Павловна отчитывает Дэна за грязные руки, как смеётся мелкая Лиз. Фара шла рядом, её плечо было тёплым и настоящим.

Это был дом. Выживание не имело смысла, если им некуда было возвращаться, не с кем делить этот суп и этот смех.

И именно поэтому им нужно уходить. Сегодня.

Костик знал то, о чём не сказал Фаре. Активная зона ползла на юго-восток не случайно. Она не просто расширялась. Она двигалась прицельно.

Он слышал это в колыбельной. В касании слепой нити. В ритме стеклянных деревьев.

Грибница не наступала.

Она тянулась обнять.

Она хотела вернуть его.

И у неё было шесть лет, семнадцать уровней вглубь и вся мёртвая Москва, чтобы это сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.